

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2026-10-217-224

Дата принятия рукописи в печать: 09.10.2026 г.

РЕЙЦ Анна Николаевна,

Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: reitsanna@yandex.ru

ШАХОВ Даниил Юрьевич,

Юго-Западный Государственный университет,
Курск, Россия,
e-mail: danilshahov2@yandex.ru

ТАРАСОВ Юрий Александрович,

Кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный
Государственный университет, Курск, Россия,
e-mail: tarasovkursk@rambler.ru

КВАЗИСУБЪЕКТНОСТЬ АДВОКАТСКОГО КАБИНЕТА: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА И РИСКИ КОНКУРСНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье рассматривается правовой феномен квазисубъектности адвокатского кабинета, который, не являясь юридическим лицом, фактически участвует в гражданском обороте. Осуществляется детальный анализ проблем имущественной обособленности адвокатского кабинета и их влияния на гражданско-правовую ответственность адвоката. Особое внимание уделяется рассмотрению рисков, возникающих в конкурсном производстве при возбуждении в отношении адвоката процедуры банкротства, в том числе рассматриваются коллизии между этапами конкурсного производства и адвокатской тайной. На основе анализа доктрины, нормативной базы и судебной практики автор приходит к выводу о наличии системного разрыва, возникшего по причине отсутствия у адвокатского кабинета статуса юридического лица. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства: введение обязательной инвентаризации имущества адвокатского кабинета, внесение уточнений в статью 21 Закона об адвокатуре, корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве, разработка механизмов защиты адвокатской тайны и введение обязательного страхования профессиональной ответственности.

Ключевые слова: адвокатский кабинет, квазисубъектность, гражданско-правовая ответственность, банкротство, конкурсное производство, адвокатская тайна, имущественная обособленность, оспаривание соглашений, страхование профессиональной ответственности.

REITZ Anna Nikolaevna,

Southwestern State University, Kursk, Russia

SHAKHOV Daniil Yuryevich,

Southwestern State University, Kursk, Russia

TARASOV Yuri Alexandrovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Southwestern State University, Kursk, Russia

THE QUASI-SUBJECTIVITY OF THE ADVOCATE'S CABINET: CIVIL-LAW LIABILITY OF THE ADVOCATE AND RISKS OF INSOLVENCY PROCEEDINGS

Annotation. The article examines the legal phenomenon of the "quasi-legal personality" of an attorney's office—an entity that, despite not being a legal person, actively participates in civil

commerce. It provides a detailed analysis of issues regarding the segregation of the attorney's office's assets and the impact of this status on the attorney's civil liability. Particular attention is paid to risks arising during insolvency proceedings initiated against an attorney, including conflicts between the stages of such proceedings and the requirement of attorney-client privilege. Based on an analysis of legal doctrine, the regulatory framework, and judicial practice, the author concludes that a systemic gap exists due to the attorney's office lacking the status of a legal entity. The author proposes legislative improvements, including the introduction of mandatory inventory-taking for the attorney's office's assets, amendments to Article 21 of the Law on the Bar, adjustments to Article 20.3 of the Law on Insolvency, the development of mechanisms to protect attorney-client privilege, and the introduction of mandatory professional liability insurance.

Key words: *advocate's office, quasi-subjectivity, civil liability, bankruptcy, bankruptcy proceedings, advocate's privilege, property separation, challenging agreements, professional liability insurance.*

Адвокатский кабинет обладает специфическим положением среди организационных форм адвокатских образований, перечисленных в ст. 20 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре). В соответствии с п.3. ст. 21 указанного Закона адвокатский кабинет не является юридическим лицом [1]. Однако такая нормативная конструкция вызывает множество теоретических и практических вопросов, которые до сих пор не разрешены ни в доктрине, ни в практике правоприменения. Адвокатский кабинет, оставаясь наиболее популярной в России формой адвокатского образования, все еще является наименее урегулированной в вопросах имущественных отношений, что порождает весомые риски как для самих адвокатов, так и для их доверителей. На противоречивость такой ситуации обращали внимание уже на начальном этапе создания законодательства об адвокатуре: В.С. Ем и Н.В. Козлова отмечали, что адвокат, создавший кабинет, фактически приравнивается к гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, что создает конструкцию, при которой субъект, не являющийся юридическим лицом, фактически участвует в гражданском обороте [2]. Но, несмотря на логичность такого вывода, системный разрыв заключается в том, что законодатель прямо установил – адвокатская деятельность не является и не может являться предпринимательской. Указанное противоречие и образует содержание квазисубъектности адвокатского кабинета – положения, при котором образование воспринимается иными субъектами как самостоятельный участник гражданского оборота, не имеющий при этом формально-юридических оснований.

Проблема особенно значима в двух связанных между собой аспектах. Первый – имущественная обособленность: законодательство не устанавливает такого механизма, при котором личное имущество адвоката обособлено

от имущества профессионального, что порождает неопределенность в вопросе распределения гражданско-правовой ответственности. Второй – конкурсное производство: при возбуждении процедуры банкротства в отношении адвоката кредиторы не имеют возможности точно идентифицировать надлежащего должника, а профессиональное имущество в таком случае рискует быть включенным в конкурсную массу. Судебная практика по данным вопросам несистемна и неоднозначна, а доктринальные подходы не сформировались окончательно и имеют ряд противоречий. Реформа адвокатуры 2024 года вводит дополнительные административные требования, но не избавляет от главной проблемы – имущественной обособленности кабинета. Настоящее исследование рассматривает квазисубъектность адвокатского кабинета как составную правовую проблему, которая особенно обостряется в конкурсных процедурах. Исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: если кабинет не является юридическим лицом, но действует в обороте, на кого возлагается имущественная ответственность и как она преобразуется при банкротстве адвоката? Ответ на этот вопрос требует последовательного анализа доктринальных подходов, нормативной базы и судебной практики.

Категория «квазисубъект» не является традиционной для отечественной цивилистики, однако в последнее время она активно разрабатывается в теории правоотношений. Под квазисубъектом понимается лицо, не обладающее всеми признаками субъекта права, но фактически участвующее в правовых отношениях с иными участниками. При этом стоит уточнить, что адвокатский кабинет не является юридическим лицом, не обладает статусом индивидуального предпринимателя в полном его смысле. Но несмотря на это законодатель наделяет кабинет отдельными атрибутами для возможности участия в гражданском обороте. Анализ статьи 21 Закона об адвокатуре позволяет выделить несколько элементов квази-

субъектности. Во-первых, учредивший кабинет адвокат может открывать счета в банках в соответствии с законодательством [1]. Во-вторых, он должен иметь штампы, печати и бланки, на которых отражен адрес и наименование адвокатского кабинета, содержать указание на субъект Российской Федерации в котором учрежден соответствующий кабинет [1]. В третьих, поскольку в качестве места осуществления адвокатской деятельности указывается кабинет, то контрагенты обосновано идентифицируют его как самостоятельное образование. Все эти атрибуты формируют видимость того, что у кабинета наличествует собственная правосубъектность.

Судебная практика подтверждает, что отражение в ЕГРЮЛ и ЕГРИП сведений об адвокатском кабинете просто невозможно в связи с тем, что данное образование не подлежит государственной регистрации ни в качестве юридического лица, ни в качестве индивидуального предпринимателя. Спрашивается, почему в таком случае кабинет, обладая персонализирующими элементами, позволяющими отличить одно образование от другого такого же по форме, не может быть отражен в качестве самостоятельного субъекта в соответствующем реестре. Ведь, реализуя адвокатскую деятельность, адвокат может сослаться на кабинет как на место осуществления такой деятельности, поскольку такое право презюмируется ему законодателем. Сложившаяся судебная практика подтверждает, что отражение сведений об адвокатском кабинете в ЕГРЮЛ и ЕГРИП невозможно [3]. Вместе с тем, как следует из Определения Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, соглашение об оказании юридической помощи может быть заключено с указанием наименования адвокатского кабинета, что создает видимость наличия у него самостоятельной правосубъектности [3]. Такое противоречие между формальной невозможностью самостоятельного существования как отдельного субъекта права и фактическим участием этого субъекта в договорных отношениях если не самостоятельно, то с крепкой привязкой к личности адвоката, составляет ядро рассматриваемой проблемы. Контрагент, заключая соглашение с «адвокатским кабинетом», добросовестно полагает, что вступает в правоотношения именно с данным поименованным субъектом, который в свою очередь, вероятно, обладает неким имуществом и правоспособностью. В действительности же исполнителем по договору является физическое лицо – адвокат, который в случае наложения на него ответственности будет отвечать всем своим имуществом. Такое расхождение между «видимым» и «реальным» создает почву для злоупотреблений и затрудняет защиту прав как доверителей, так и кредиторов.

Доктринальная оценка квазисубъектности адвокатского кабинета неоднозначна. В.С. Ем и Н.В. Козлова указывали на «слабую теоретическую проработку, низкий уровень законодательной техники и беспомощность большинства формулировок Закона об адвокатуре», отмечая, что далеко не все адвокаты и их клиенты уяснили особенности правового статуса новых адвокатских образований [2]. Спустя два десятилетия после принятия закона эта оценка сохраняет актуальность: законодатель так и не определил, является ли адвокатский кабинет имущественным комплексом, подлежащим обособлению, или весь имущественный риск ложится лично на адвоката. Специфика квазисубъектности кабинета проявляется также в налоговых отношениях. Согласно абзацу 4 подпункта 2 пункта 1 статьи 11 Налогового кодекса РФ, адвокаты, учредившие адвокатский кабинет, приравниваются к индивидуальным предпринимателям «только для целей настоящего Кодекса». Эта формулировка подчеркивает условность предпринимательского статуса адвоката: он не приобретает статус ИП в гражданско-правовом смысле, но для налоговых целей рассматривается как таковой. Возникает разрыв между налоговой и гражданско-правовой квалификацией одного и того же субъекта, что дополнительно усложняет определение его ответственности. Представляется, что подобный разрыв не является случайным: законодатель сознательно избегает придания адвокату статуса предпринимателя, чтобы не подрывать публично-правовую природу адвокатской деятельности. Однако непоследовательность такого подхода порождает новые проблемы, которые проявляются именно в среде имущественных отношений.

Отсутствие статуса юридического лица означает, что адвокатский кабинет не обладает обособленным имуществом. Все имущество, используемое для профессиональной деятельности – офисная техника, библиотека, оборудование – юридически принадлежит адвокату как физическому лицу. Закон об адвокатуре не содержит норм, которые позволяли бы провести границу между личным имуществом и имуществом, предназначенным для профессиональной деятельности. Вопрос о том, подлежит ли такое имущество включению в конкурсную массу при банкротстве адвоката, остается открытым. Эта проблема имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. При наложении ареста на счета, открытые адвокатом для профессиональной деятельности, как того требует законодатель, возникает вопрос: являются ли эти счета личными счетами адвоката или они «принадлежат кабинету»? Судебная практика не дает однозначного ответа. В одном из дел конкурсный управляющий пытал-

ся истребовать у адвоката документы, подтверждающие факт оказания юридической помощи, что также вызвало коллизию между принципом прозрачности конкурсной массы и гарантией адвокатской тайны [4]. Данный прецедент заставляет задуматься о том, чем является оплата за оказание адвокатом квалифицированной помощи: доходом от предпринимательской деятельности она являться не может, поскольку законодательно такое образование из числа «предпринимателей» исключено, но как мы можем отнести такие денежные средства к личному имуществу, если все-таки сделка заключалась от имени «кабинета». Показательно, такие коллизии возникают с завидной регулярностью, а единый подход к их разрешению до сих пор не выработан.

Доктрина предлагает различные подходы к решению проблемы имущественной обособленности. Один из них – введение обязательной инвентаризации имущества кабинета, что позволило бы зафиксировать его состав и стоимость на момент учреждения. Однако, этот подход не решает главной проблемы: даже при наличии инвентаризационной описи имущество остается собственностью адвоката и может быть включено в конкурсную массу. Другой подход – признание адвокатского кабинета особым субъектом права с ограниченной правосубъектностью, что потребовало бы внесения существенных изменений в Закон об адвокатуре и Гражданский кодекс РФ. А.П. Загонников, исследуя страхование профессиональной ответственности адвокатов, отмечает, что отсутствие четкого механизма имущественной обособленности делает позицию адвоката-кабинетчика особенно уязвимой при наступлении ответственности [5]. Страхование риска профессиональной имущественной ответственности, предусмотренное статьей 19 Закона об адвокатуре, является факультативным и не создает гарантий для кредиторов. Более того, страховое возмещение покрывает лишь нарушения условий соглашения об оказании юридической помощи, но не иные обязательства, связанные с деятельностью кабинета. Так, даже добросовестный адвокат, который заключил договора страхования, не может обнадеежить себя в том, что его личное имущество защищено от взысканий, возникшим в связи с профессиональной деятельностью.

Вопрос о гражданско-правовой ответственности адвоката, осуществляющего профессиональную деятельность в кабинете, является производным от проблемы имущественной обособленности. Поскольку кабинет не является юридическим лицом, он самостоятельно не может нести ответственность по своим обязательствам. Отсюда следует вывод, что ответственность в таком случае возлагается на учредившего кабинет адво-

ката и «под прицел» попадает его личное имущество. Это означает, что кредиторы адвоката могут обращать взыскание на любое имущество, в том числе и на профессиональное, что создает угрозу для реализации дальнейшей адвокатской деятельности. Сложившаяся судебная практика даны вывод подтверждает: Арбитражный суд Московского округа указал, что адвокат, действующий в пределах профессиональной деятельности, несет личную ответственность за ее результаты [6].

Особого внимания заслуживает вопрос о субсидиарной ответственности адвоката при банкротстве его доверителя. В последние годы сформировалась устойчивая тенденция, согласно которой адвокатов привлекали в качестве субсидиарных должников в процедурах банкротства их доверителей. Конкурсные управляющие аргументируют это тем, что адвокат, оказывая лицу, находящемуся в преддверии банкротства, юридическую помощь, таким образом, причиняют вред кредиторам, поскольку способствуют уменьшению конкурсной массы должника. Верховный Суд РФ дал разъяснения в Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год, согласно которым операции по перечислению адвокату денежных средств в счет оплаты юридических услуг, оказанных работнику, не могут быть оспорены по мотиву причинения вреда кредиторам, если помощь была реально оказана [7]. Тем не менее, как справедливо отмечается в Обзоре судебной практики ФПА РФ, арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы приводят доводы о причинении вреда соглашениями об оказании юридической помощи, нереальности (мнимости) оказанной помощи, заинтересованности адвокатов по отношению к доверителям, отклонении размера вознаграждения от «среднерыночного уровня» [8]. Все эти доводы являются «надправовыми», подрывающими саму суть профессиональной деятельности адвокатов, ведь отсутствие у лица специальных юридических познаний само по себе определяет необходимость в адвокатских услугах в целях достижения справедливого результата при банкротстве. А аргументация позиции указанием на заинтересованность адвоката само по себе оспаривает сущность значения слова «помощь», поскольку в этом вопросе затрагиваются уже не столько правовые, сколько философские и моральные категории. Эти доводы нередко приводят к лишению адвоката заслуженного вознаграждения, что обратным «эффектом» причиняет ущерб ему самому.

Проблема усугубляется отсутствием четких критериев разграничения добросовестного оказания юридической помощи и соучастия в неправомерном уменьшении конкурсной массы. Как отмечает А.П. Згонников, страхование профессио-

нальной ответственности могло бы стать компенсаторным механизмом, однако на практике оно не обеспечивает достаточной защиты [5]. Более того, отсутствие обязательного страхования для всех адвокатов создаёт неравенство между адвокатами, работающими в коллегиях и бюро, и адвокатами-кабинетчиками, которые несут личный имущественный риск. Представляется, что подобное неравенство противоречит принципу равенства адвокатов, закреплённому в Законе об адвокатуре, и требует законодательного разрешения.

Банкротство адвоката, учредившего кабинет, обнажает все противоречия квазисубъектности. Формально банкротство может быть возбуждено только в отношении самого адвоката как гражданина, поскольку кабинет не является юридическим лицом. Однако кредиторы, заключившие соглашения с «адвокатским кабинетом» как обозначением места деятельности, могут столкнуться с проблемой определения надлежащего должника. Проблема идентификации кредиторов является одной из ключевых при банкротстве адвоката. Состав конкурсной массы определяется ст. 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве): всё имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу [9]. Применительно к адвокату это означает, что в конкурсную массу может быть включено имущество, используемое для профессиональной деятельности: офисная техника, мебель, библиотека, транспортные средства. Это создаёт риск того, что адвокат, признанный банкротом, лишится не только личного имущества, но и инструментов, необходимых для продолжения профессиональной деятельности. Возникает парадоксальная ситуация: процедура банкротства, призванная обеспечить баланс интересов должника и кредиторов, фактически лишает должника возможности восстановить свою платёжеспособность за счёт профессиональной деятельности.

Особую остроту приобретает коллизия между конкурсным производством и адвокатской тайной. Согласно ст. 8 Закона об адвокатуре, адвокатская тайна включает любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю [1]. Эти сведения не подлежат разглашению ни при каких обстоятельствах, включая процедуру банкротства. Однако статья 20.3 Закона о банкротстве предоставляет арбитражному управляющему право запрашивать необходимые сведения о должнике, включая те, что составляют служебную, коммерческую и банковскую тайну [9]. Возникает вопрос: распространяется ли это право на адвокатскую тайну?

Как отмечается в доктрине, неупоминание адвокатской тайны в Законе о банкротстве свидетельствует об обязанности ее соблюдать, а не о лакуне в праве [10]. Перечень видов информации с ограниченным доступом, указанный в Законе о банкротстве, является закрытым, и его расширительное толкование недопустимо. Тем не менее судебная практика демонстрирует случаи, когда арбитражные суды удовлетворяли ходатайства конкурсных управляющих об истребовании сведений, составляющих адвокатскую тайну, применяя аналогию закона. Это противоречит принципу *lex specialis derogat generali*: специальный закон (Закон об адвокатуре) имеет приоритет над общим (Законом о банкротстве) в части регулирования адвокатской тайны. Комиссия ФПА РФ по этике и стандартам в Разъяснении от 30 ноября 2023 года указала, что специальный правовой режим охраны адвокатской тайны сохраняется в ходе процедуры банкротства и истребование от адвоката сведений, связанных с оказанием юридической помощи, не допускается [8]. Однако это разъяснение не имеет обязательной силы для арбитражных судов и не решает проблемы на системном уровне.

Одним из наиболее острых проявлений квазисубъектности адвокатского кабинета является проблема оспаривания соглашений об оказании юридической помощи в процедуре банкротства доверителя. Как отмечается в Обзоре судебной практики ФПА РФ, с 2020 года наблюдается возрастающая тенденция оспаривания соглашений доверителей с адвокатами и вознаграждений, полученных по таким соглашениям [8]. Арбитражные управляющие и конкурсные кредиторы приводят доводы о причинении вреда имущественным правам кредиторов, нереальности (мнимости) оказанной помощи, заинтересованности адвокатов по отношению к доверителям, отклонении размера вознаграждения от «среднерыночного уровня» [8]. Анализ сложившейся судебной практики позволяет выделить наиболее уязвимые с точки зрения защищённости прав адвоката на вознаграждение условия соглашений. Особое внимание уделяется позиции судов в оценке осведомлённости адвоката о финансовой несостоятельности доверителя и предполагаемом в будущем инициировании процедуры его банкротства. В результате адвокат лишается полученного вознаграждения, а в некоторых случаях даже привлекают к уголовной ответственности. Подобные неурегулированные коллизии наносят непоправимый ущерб правозащитному механизму в современной России, подрывают репутацию и эффективность адвокатуры и снижает обоснованную мотивацию субъектов права к получению квалифицированной адвокатской помощи.

В качестве инструмента изменения сложившейся практики предлагается введение дополнительного этапа, предшествующего заключению соглашения, выражающегося в анализе рисков совершения следки и позволяющего обезопасить адвоката в лучшем случае от финансовых потерь, а в худшем – от привлечения его к ответственности за неправомерное уменьшение конкурсной массы. Этот подход представляется обоснованным, однако он не решает проблемы на системном уровне: адвокат, действующий добросовестно, не может нести риск, связанный с неплатёжеспособностью доверителя, если он не знал и не должен был знать о ней. Судебная практика по этому вопросу неоднородна. В одном из дел Арбитражный суд Московского округа отменил решения нижестоящих судов, удовлетворивших требования конкурсного управляющего о признании недействительными соглашений об оказании юридической помощи, указав, что нижестоящие суды необоснованно исходили из презумпции вины адвоката ввиду факта оказания им юридической помощи фирме, находящейся в процедуре наблюдения [6]. Суд подчеркнул, что ни первая инстанция, ни апелляционный суд не смогли дать правового обоснования солидарного взыскания денежных средств с коллегии адвокатов, при этом ими полностью были проигнорированы положения ст. 22 Закона об адвокатуре [6]. Тем не менее в других делах суды занимают противоположную позицию. Конкурсные управляющие активно используют механизмы оспаривания сделок, предусмотренные гл. III.1 Закона о банкротстве, включая ст. 61.2 (подозрительные сделки) и ст. 61.3 (сделки с предпочтением) [9]. При этом бремя доказывания реальности оказания юридической помощи возлагается на адвоката, что создаёт дополнительные сложности, поскольку адвокатская тайна ограничивает возможность раскрытия деталей оказанной помощи. Таким образом, адвокат оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он обязан сохранять тайну, с другой — вынужден доказывать реальность оказанной помощи, что невозможно без раскрытия хотя бы части сведений.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства, направленных на преодоление негативных последствий квазисубъектности адвокатского кабинета. Первое: введение обязательной инвентаризации имущества адвокатского кабинета. Это позволило бы зафиксировать состав и стоимость имущества, используемого для осуществления профессиональной деятельности, на момент учреждения кабинета. Однако, как отмечалось выше, этот механизм не решает проблемы включения такого имущества в

конкурсную массу. Поэтому предлагается дополнить статью 131 Закона о банкротстве нормой, исключающей из конкурсной массы имущество, необходимое адвокату для осуществления профессиональной деятельности, в пределах, определяемых судом. Второе: уточнение статьи 21 Закона об адвокатуре в части имущественной ответственности адвоката. Предлагается дополнить статью нормой, устанавливающей, что адвокат, учредивший кабинет, несет ответственность по обязательствам, связанным с осуществлением адвокатской деятельности, в пределах имущества, используемого для такой деятельности, а в случае его недостаточности – всем своим имуществом. Это позволило бы создать хотя бы минимальную защиту личного имущества адвоката от взыскания по обязательствам, связанным с профессиональной деятельностью. Третье: корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве в части защиты адвокатской тайны. Предлагается дополнить перечень сведений, которые арбитражный управляющий не вправе запрашивать, сведениями, составляющими адвокатскую тайну. Это соответствовало бы принципу *lex specialis derogat generali* и обеспечило бы соблюдение конституционной гарантии права на квалифицированную юридическую помощь. Четвёртое: разработка механизма защиты адвокатской тайны при конкурсных процедурах. Предлагается создать специальный процессуальный механизм, позволяющий адвокату передавать сведения, необходимые для рассмотрения спора, в закрытом режиме, без раскрытия их конкурсному управляющему и кредиторам. Пятое: введение обязательного страхования риска профессиональной имущественной ответственности адвокатов. Данное новшество обеспечило бы компенсацию вреда, причиненного доверителям, без обращения взыскания на личное имущество адвоката. Примером применения такого института является страхование ответственности арбитражного управляющего. Как отмечает А.П. Згонников, страхование профессиональной ответственности является эффективным механизмом защиты как адвоката, так и его доверителей [10]. Представляется, что реализация указанных мер в совокупности позволила бы если не устранить, то существенно смягчить негативные последствия квазисубъектности адвокатского кабинета.

Таким образом, квазисубъектность адвокатского кабинета представляет собой не техническую недоработку законодателя, а системный разрыв, порождающий неопределенность в вопросах имущественной ответственности и создающий значительные риски в конкурсных процедурах. Отсутствие статуса юридического лица не мешает кабинету фактически участвовать в

гражданском обороте, что приводит к противоречию между формальным отсутствием правосубъектности и фактическим участием в договорных отношениях. Это противоречие проявляется в невозможности провести границу между личным имуществом адвоката и имуществом, используемым для профессиональной деятельности, что делает адвоката уязвимым как перед кредиторами, так и перед конкурсными управляющими. Проведённый анализ показывает, что решение проблемы требует комплексного подхода, включающего как совершенствование законодательства об адвокатуре, так и корректировку Закона о банкротстве. Предложенные меры — обязательная инвентаризация имущества кабинета, уточнение статьи 21 Закона об адвокатуре, корректировка статьи 20.3 Закона о банкротстве, разработка механизма защиты адвокатской тайны и введение обязательного страхования — направлены на создание правовых гарантий, обеспечивающих баланс интересов адвоката, его доверителей и кредиторов. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства об адвокатуре должно идти по пути признания адвокатского кабинета особым субъектом права с ограниченной правосубъектностью, что позволило бы обеспечить имущественную обособленность кабинета и создать эффективные механизмы защиты как профессиональных, так и личных интересов адвоката. Без такого признания квазисубъектность кабинета будет и далее порождать правовую неопределённость, снижая привлекательность индивидуальной адвокатской практики и подрывая гарантии конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Список литературы:

- [1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).
- [2] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).
- [3] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).
- [4] Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 год : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).
- [5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2023 по делу № А40-185157/20 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.09.2026).
- [6] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2020 № 13АП-6045/20 по делу № А56-53340/2018 // СПС «Гарант».
- [7] Обзор судебной практики по проблеме признания недействительным соглашения с адвокатом в процедуре банкротства за период 2022 года и первое полугодие 2023 года : утв. решением Совета ФПА РФ от 30.11.2023, протокол № 8 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2023. № 4.
- [8] Богданова, С. Э. Общество с ограниченной ответственностью - как одна из организационно-правовых форм юридических лиц / С. Э. Богданова, Ю. А. Тарасов // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 2-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок : в 5 т., Курск, 01 декабря 2021 года. Том 3. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — С. 49-53.
- [9] Дидык Э.М. «Банкротство» адвокатской тайны // Образование и право. 2022. № 6. С. 76–81. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81..
- [10] Ем В.С., Козлова Н.В. Правовые формы организации адвокатской деятельности (Комментарий к ст. 20–25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») // Законодательство. 2003. № 9. С. 8–20; № 10. С. 5–17.
- [11] Згонников А.П. Страхование профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации: теория и практика применения // Адвокат. 2015. № 10. С. 15–22.
- [12] Мальцева, Э. А. Банкротство одного из супругов: проблемы, последствия и пути решения / Э. А. Мальцева, Ю. А. Тарасов // Проблемы развития современного общества : Сборник научных статей 9-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 3-х томах, Курск, 23–24 января 2024 года. — Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. — С. 299-302.
- [13] Тайное становится явным? Неупоминание адвокатской тайны в Законе о банкротстве свидетельствует об обязанности её соблюдать, а не о лакуне в праве // Адвокатская газета. 2022. 15 ноября. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 08.09.2026).

References:

- [1] Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated 31.07.1998 No. 146-FZ (as amended

on 08.08.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[2] Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended by 08.08.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[3] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" (as amended by 22.04.2024) // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[4] 2022 Review of Litigation for Resolution of Insolvency (Bankruptcy) Disputes: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023 // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 20.02.2023 in case No. A40-185157/20 // Official Internet portal of legal information. - URL: pravo.gov.ru (access date: 08.09.2026).

[6] Decision of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal of 13.05.2020 No. 13AP-6045/20 in case No. A56-53340/2018 // SPS "Garant".

[7] Review of judicial practice on the problem of invalidating an agreement with a lawyer in bankruptcy proceedings for the period 2022 and the first half of 2023: approved. by the decision of the Council of the FPA of the Russian Federation of 30.11.2023, protocol No. 8 // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 2023. № 4.

[8] Bogdanova, S. E. Limited Liability Company

- as one of the organizational and legal forms of legal entities / S. E. Bogdanova, Yu. A. Tarasov // Innovative potential for the development of society: the view of young scientists: a collection of scientific articles of the 2nd All-Russian Scientific Conference of Advanced Developments: in 5 volumes, Kursk, December 01, 2021. Volume 3. - Kursk: Southwestern State University, 2021. - S. 49-53.

[9] Didyk E.M. "Bankruptcy" of attorney-client privilege // Education and law. 2022. № 6. S. 76-81. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-6-76-81..

[10] Em V.S., Kozlova N.V. Legal forms of organization of advocacy (Commentary to Articles 20-25 of the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation") // Legislation. 2003. № 9. S. 8-20; NO. 10. S. 5-17.

[11] Zgonnikov A.P. Professional liability insurance of lawyers in the Russian Federation: theory and practice of application // Lawyer. 2015. № 10. S. 15-22.

[12] Maltseva, E. A. Bankruptcy of one of the spouses: problems, consequences and solutions / E. A. Maltsev, Yu. A. Tarasov // Problems of the development of modern society: Collection of scientific articles of the 9th All-Russian National Scientific and Practical Conference. In 3 volumes, Kursk, January 23-24, 2024. - Kursk: University Book CJSC, 2024. - S. 299-302.

[13] Does the secret become apparent? Failure to mention attorney-client privilege in the Bankruptcy Law testifies to the obligation to comply with it, and not a gap in the law // Lawyer newspaper. 2022. Nov. 15. URL: <https://www.advgazeta.ru> (access date: 08.09.2026).

